

Первым долгом мама повела меня в школу. После небольшой одноэтажной восьмилетки в Городке минская 172-я показалась мне страшно огромной! Мы долго бродили по этажам, пока отыскивали нужный кабинет, оформили документы.

Первого сентября меня с портфелем, букетом цветов, но уже одну, без мамы, встретило светлое здание, пахнущее краской, звенящее множеством ребячьих голосов. Оглушённое фойе таращилось сверкающе-чистыми окнами на широко распахнутую дверь, через которую втекала в школу бушующая река детворы с белой пеной величественных бантов, белых рубашек, кружевных фартуков, воротничков с манжетами. Среди них колыхались волнами букеты георгин, астр, ноготков, ромашек.

Эта живая река подхватила меня, внесла в праздничный холл, затем на улицу – вслед за рупором, объявившим линейку на школьном стадионе. Прокатила по ученическим рядам и бросила. Растерявшуюся, потерянную, почти захлебнувшуюся в бурлящем потоке детворы. Я не знала, где мой класс, учительница...

Спрятавшись за спинами старших ребят, долго прислушивалась к гремящему рупору, но так и не разобралась в его разноголосом вещании...

Притихшая река снова ожила, зашумела, подхватила меня, внесла в знакомое фойе и, раздробившись на ручейки, потекла по лестницам, этажам, исчезая в кабинетах. Звонок прозвенел в третий раз. Одна – в длинном опустевшем коридоре.

– Девочка, ты из какого класса? – учительница с тетрадками и журналом показала спасительным парусом в безучастном океане.

– Из четвёртого, – приподняла я букет потрёпанных георгин.

– Из четвёртого «а», «б», «в»... Какого?

– Не знаю, – крепилась изо всех сил, чтобы не разреветься.

– Новенькая?

Наконец я очутилась в своём четвёртом. Головы ребят дружно повернулись ко мне. Тридцать пар удивлённо-заинтересованных глаз.

– Знакомьтесь, дети, – ровный, тихий голос сеялся теплом и покоем.

Учительница, словно волшебница с золотисто-русой косой, уложенной в причёску на затылке, заморозила меня своей светлой добротой. Свет-ла-на Тимофе-ев-на Сивцова...

* * *

– Света, доченька, попробуй! Ты тоненькая, как ящерка, – заползёшь, а я тебе посвечу лампой, – сдалась Люба после тщетных попыток пролезть под печь.

За хатой, на огороде, она ещё с осени соорудила тайник у куста смородины. Теперь надо копать под печкой, чтобы получился лаз на улицу. С большой лопатой не развернёшься.

Восьмилетняя Светлана по очереди со старшенькой Зиной орудовала скребком, ковыряла острой палкой, гребла землю руками, насыпая на фанерку с верёвкой. Мать пересыпала грунтовую горку в корзину, незаметно выносила в огород, стараясь успеть до сумерек. После наступления темноты покидать дом запрещалось.

День ото дня лаз становился длиннее. Скоро, скоро девочки дойдут до стены. Лишь бы не промахнулись! Свет в земляную нору не проникнет, не проверишь. Копали на ощупь.

Тайник согревал материнскую душу надеждой на спасение детей, если... Нет! Лучше не думать о полициях, провалах, арестах...

Поздно вечером, уложив девочек спать, Люба плотно занавесила окошко одеялом (после девяти свет тоже под запретом), достала из-под груди белья радиоприёмник. Перед войной его принёс муж. Матвей столярничал на «Деревообделочнике» у Комаровки, а с сорокового – там же, но уже на радиозаводе Молотова, в который превратили к октябрьским праздникам лесопильно-мебельный. Оборудование вместе с инженерами из Вильнюса доставили. Матвей же мастерил деревянные корпуса для приёмников – КИМ, «Пионер», «Маршал». Хорошо делал! Поощрили «Пионером»...

Люба вздохнула: где-то сейчас Матвей? Как ушёл по призыву на второй день войны, так ни весточки. Воюет на фронте или попал в окружение, может, партизанит? Взглянула на фотокарточку в рамке, его же руками сотворённой, прошептала: «Жив, жив, мой родненький!».

Вот ведь завод его уцелел. Хоть самолёты с крестами гудели над городом, как громадные шершни! Забрасывали бомбами, жгли огнём... Уцелел... Даже приёмники выпускает Radiofabrik Minsk. Только рабочие завода – за колючей проволокой. Гетто там...

Ласково провела ладонью по гладко-шоколадному корпусу «Пионера». Дерево тёплое, словно живое. Щёлкнула выключателем, прислушалась. Карандаш заплясал между строчками немецкой листовки, которые разбрасывали самолёты, предупреждая, что за каждого убитого солдата великой Германии будет расстреляно десять мирных жителей, за офицера – сто...

Люба торопилась: «20 апреля 1943 года противник предпринял самое мощное наступление против защитников Малой земли. Боевые действия авиации обеих сторон в районе Мысхако достигли наивысшего напряжения. Своими массированными действиями советская авиация сковала наступление противника, заставила вражескую авиацию снизить свою активность...».

Сложила листок, потянулась к выключателю, но рука замерла. Сильный мужской голос залихватски выводил:

*Он из госпиталя ехал,
Побывать зашёл к жене, да к жене.
Показал, показал ей первый орден,
Что на ле... что на левой стороне.*

*А жена его спросила:
Что за подвиг совершил, совершил?
Чем в бою, чем в бою он отличился,
Как награ... как награду заслужил?*

*Он жену покрепче обнял
И ответил не спеша, не спеша:
– У меня, у меня в груди, Анюта,
Скрыта ру... скрыта русская душа.*

*Я ничем не отличился,
Ничего не совершил, не совершил.
Лишь страну, лишь страну мою Россию
Беззаве... беззаветно я любил...*

Разбуженная песней Света прислушалась, выглянула из-за тонкой занавески. Мать, подперев кулаком подбородок, чуть раскачиваясь в такт мелодии, всхлипывала... Мамочка! Девочка сглотнула подкативший к горлу комок, босыми ногами зашлёпала по холодным половицам.

– Мамочка! – обняла Любу тонкими, словно хворостинки, руками. – Ты плачешь?

Женщина торопливо вытерла слёзы, прижала дочь к себе. Из приёмника лилось:

*Обо мне ты не печалься,
Я погибнуть не могу, не могу.
Бережет, бережет от смерти злоба
К ненави... к ненавистному врагу...*

«Я погибнуть не могу-у-у...» – повторила-пропела Люба дрожащим голосом.

– И Матвей мой – не может! Слышишь, доченька, вернётся папка домой...

Дождавшись, пока Света, отвернувшись к стене, засопит, ловко замаскировала приёмник в корзине с бельём для стирки, лелея надежду на немецкую брезгливость. Записку с фронтовыми новостями привычно упрятала в кухонный шкафчик, между тарелками. Завтра девочки переписут на чистовик. Надо успеть до встречи со связным из отряда. Обещали передать партизанские новости и бумагу для следующих листовок...

* * *

Люба вытянула из печи большой закопчённый чугунок с кипятком, да так и застыла, держа ухват над деревянным корытом. Как же она забыла крючок на дверь набросить? Не выпалась, поднялась на заре, умаялась, обхаживая печь...

У распахнутой настежь двери – незваные гости. Немец с болезненно слезящимися глазами, двое полицаев. Один юркий, так и шарит зенками по сторонам. Второй молчаливый, в кепке, надвинутой до бровей. Фриц, пообвыкнув к сумраку дома, вяло повёл мутным взглядом по комнате, шмыгнув простуженным носом, двинулся к печке. Припечатал ладони к тёплым кирпичам, зябко поёжился.

От напряжения руки у Любы вздрогнули, крышка на чугуне сдвинулась, металлически взвизгнув. Немец резко вскинул автомат:

– Was?

Юркий полицай услужливо подлетел к женщине, столкнул горячую крышку. Пар шибанул в дощатый потолок. Сверху, словно крупные под-

солнуховые семечки, посыпались из щелей тараканы. Полицай грязно выругался и, отрясая с себя насекомых, отступил к немцу. Тот хрипло взревел: «Verdammt! Ich hasse sie!» – с перекошенным ртом выскочил во двор.

– Тьфу ты, зараза! – замахнулся на Любу фашистский прихвостень и рванул из дома виниться перед начальством. На ходу приказал напарнику: – Митяй, проверь тут всё!

Тараканы, упавшие в корыто с мокрым бельем, с трудом волоча длинные влажные усы, пытались выбраться наружу. Люба вернула чугуна на загнетку, подхватила занемевшей ладонью двух красно-коричневых усачей, вместе с водой выплеснула в корзину, потом ещё, ещё... Авось не сунутся сюда «господа».

– Никогда не видел пан немец тараканов? – как будто осмелела хозяйка.

Митяй не ответил, сунулся за прикроватную занавеску. Девочки, забившись в угол, испуганно тянули на себя тощее одеяло.

– Чужих в доме нет? – голос спокойный, без угроз.

– Не-е-е, – покрутила Зина растрёпанной спросонья головой.

Света молчала, только глаза таращила. Она узнала этого дядьку! Он из школы. Учитель физкультуры. Дмитрий Мефодьевич... предатель?!

Полицай вернулся на кухню, половицы глухо постанывали под ногами. Открыл шкафчик, загремел посудой. У Любы перехватило дыхание. В следующее мгновение она шумно выплеснула кипяток из чугуна в корыто. Горячим духом снова ударило в потолок.

– Ой! – вскрикнула она, отпрянув к стене. Не столько боялась обжечься паром, сколько хотела отвлечь, увести от шкафчика Митяя.

Учитель обернулся, выпрямился. В его руке Люба заметила листовку... Одними глазами неожиданно приказал: «Молчи!», кивнул в сторону девчонок, предупредительно-укоризненно покачал головой. Оглянулся на входную дверь, вернул листок на прежнее место, с силой захлопнул дверцу. Прощёлся по комнате, откинул шторку на печке, пнул сапогом корзину с бельём... Наклонившись к Любе, чуть слышно шепнул:

– По городу облавы. Операция «Zauberflute»... Отряд СС готовится к карательным экспедициям в Логойске, Плещаницах, Заславле...

В сенях хлопнула дверь.

– Ну что тут, Митяй? – заглядывая в хату, поторопил напарник-полицай.

– Ничего!

Когда голоса во дворе стихли, Люба бессильно сползла на пол. За окном разгоралось весенне-апрельское утро. Солнечный луч скользнул по столу, мягко осветил печку, заблестел в солёной капельке на бледной щеке.

– Девочки, надо лаз докапывать, срочно...

Проснулась Света от мерного шума за окном: мать чистила двор. На носу месяц май, а зима не сдаётся: пользуясь ночной теменью, подморозила, забелила вешнюю землю. К полудню, только солнышко пригреет, снег потечёт – слаб он по весне. Зачем мама пустой работой занимается?

Перелезла через спящую Зину, нырнула ногами в старые валенки и – на крыльцо. Под торопливым берёзовым голяком с дорожки исчезали следы. Большие, мужские. Кто-то приходил ночью...

Порыв ветра неожиданно ударил Свету по лицу, замутил утреннюю свежесть запахом гари. Дуло со стороны Кооперативного переулка. Люба перехватила тревожный взгляд дочери.

– Из танка по хате стреляли. Все погибли...

Дома, усадив Светлану напротив, в который раз наставляла:

– Заявятся немцы – прячьтесь под печь! Что бы ни случилось... Голоса не подавайте. Выбирайтесь через лаз и – в деревню, к тётке. Дорогу знаете...

– Нам, мамочка, ещё докопать надо... Чуть-чуть!

...Фашисты колотили в дверь прикладами.

– Где твои выродки? – полицай ворвался в дом, больно пнул Любу в грудь. – Девки твои где?!

Забившись в подпечье, Света не видела, как мать медленно поправила сбившийся с головы платок, спокойно взглянула на свирепеющего полицаю:

– Чего кричишь? Не глухая. Ещё с утра ушли. Дала им одёжку отцову – на хлеб выменять.

– Ушли? А это мы сейчас проверим! – выслуживался перед хозяевами предатель.

Полетело на пол ватное одеяло, свалился исколотый штыком старый тюфяк, закружился пух из вспоротой подушки, загрохотали сброшенные вёдра, перевёрнутое корыто, зазвенела разбитая посуда, вывалился из корзины «Пионер»...

– Радио?! – полицай подхватил приёмник и, злорадно тыча им в лицо Любе, заорал: – Где, где они? Всех на виселицу! – запыхавшись, опустился на колени, заглянул под печь. – Чую, чую, тут отродье твоё! – шипел, шурудил чепелой, поднимая пыль.

Немцы, держа Любу под прицелом, молча наблюдали за обыском. Полицай рванул с плеча винтовку. Женщина окаменела. Господи, спаси, сохрани, помилуй!

Гремучей змеей застрекотала очередь, завизжали пули, взрывая землю, впиваясь в кирпичи. Девочки зажмурились. Света оцепенела. Внезапно навалилась темень. Странная тишина немо зазвенела в ушах...

Пыль оседала медленно, толстым слоем налипала на волосы, ресницы, щекотала в носу. Зина зажала рот рукой, чтобы не выдать себя, но всё равно, не сдержавшись, чихнула. Прижалась к стене, замерла, ожидая выстрелов...

Тихо. Пошевелила занемевшими руками. Подползла к сестре. Прислушиваясь, припала к груди... Живая, живая!

Осторожно обняла:

– Не ранена?

Света протёрла глаза, проморгалась, испуганно приложила палец к губам. Старшая слабо улыбнулась:

– Ушли немцы. Нет никого...

– А мама?

– Никого нет...

В тревожной тишине вдруг загудела, заохала пустая хата. Гул стремительно нарастал. Зашипели, затрещали горящие брёвна...

Девочки, не сговариваясь, ринулись к тайному ходу.

– Ползи первая, копай, а я здесь буду отгребать. Скорей! – подтолкнула Зина сестру.

Света уткнулась в тупик лаза, отчаянно впиалась руками в стенку. Не чувствуя боли от набившейся под ногти грязи, рыла, рыла... Выгибаясь ящеркой, орудуя ногами, ловко проталкивала землю назад.

– Скорей, Светочка, дымно уже – задохнёмся! – умоляла Зина, заходясь кашлем.

В хате рухнула полыхающая балка, огнём ярко осветило подпечье, шибануло жаром, перехватило дыхание. Девочка метнулась в подкоп...

Весеннее солнце пробивалось сквозь клубы дыма, норовило заглянуть в тайник у смородинового куста. Света жадно вдыхала сырой апрельский воздух, размазывая по чумазым щекам слёзы.

– Зина, очнись! Зина-а-а...

* * *

Светлана Тимофеевна приложила к глазам школьную промокашку:

– Сколько лет прошло, – словно извинилась перед притихшим классом. Открыла книгу. – «Руины стреляют в упор». Знакомо название? Про минских подпольщиков. И о моей маме...

Про книгу я не только знала – читала её. Но чтобы вот так: мама учительницы – в книге? Подпольщица!

Всего год, до переезда с родителями в Мурманск, посчастливилось мне учиться в Минске. А ровный тихий голос Светланы Тимофеевны и ныне отзывается в моей памяти теплом и покоем.